

Мекшуновка, возрожденная из пепла

Многие славутичане, проезжая на свои дачи, которые были построены около с. Мекшуновка, могли даже и не знать этого населенного пункта, если бы не трудолюбие и желание его жителей возродить и продолжить жизнь в этом селе.

Небольшое село Мекшуновка в предвоенные годы жило своей жизнью, как и все населенные пункты Черниговского Полесья: люди трудились, растили и воспитывали детей, прививали им трудолюбие, гуляли свадьбы, провожали юношей в армию — жизнь текла своей чередой. Но день 22 июня 1941 года затмил всю повседневную жизнь. Война. Какое маленькое слово, а сколько бед и горя оно принесло людям!

В 1942 году, а особенно в 1943-м, на Черниговщине активизировалось партизанское движение. Гитлеровское командование проводило политику запугивания населения, осуществляло карательные акции, чтобы население не помогало партизанам информацией, удовольствием и предоставлением жилья в холодное время.

Мой собеседник Василий Степанович Андрушок рассказал:

— Дважды жители села Мекшуновка подверглись расправе немецких карателей. Да и каждый день жизнь была на волоске, в селе жил староста, по националь-

ности он был поляк, пришел в село вместе с немцами и жил на хуторе Грабовка, где жили полицаи, от них можно было ждать всего.

Оккупационные власти не распустили коллективное хозяйство, женщины и дети работали на полях. Однажды осенью несколько девчат в религиозный день оделись в праздничную одежду. На улице их встретил староста села, стал бить плеткой и погнал убирать лен.

Через два дня, после расправы над жителями с. Красная Гута (23.02.1943 г.), приехал карательный отряд и было сожжено пять домов, в которых жили активисты Мекшуновки. В селе жила семья партизана Михаила Петровича Мекшуна, немцы хотели расправиться с ним. Но он удачно ушел от них. Немцы подожгли дом, а его мать хотела что-нибудь спасти от огня. Ее убили на пороге дома.

В апреле 1943 года кто-то сообщил, что в село вновь придет карательный отряд. Многие жители села решили спрятаться в лесу и в труднопроходимых болотах.

Группа людей, в которой был и я, сидела в небольших окопчиках. Каратели шли цепью по опушке леса и обнаружили нас. Мы решили бежать в густой сосновый лес. Когда мы побежали туда, наша соседка бежала с двумя детьми, но своего сына Петра она из рук выпустила. (Потом мадьяры привели его в село, и односельчане прозвали его Мадьяр). Односельчанин Михаил Шоха снял головной убор и бросил в сторону мадьярских солдат. Офицер подумал, что это граната и приказал своим солдатам лечь на землю. Это дало возможность забежать нам в лесок и спрятаться в небольшой ложбинке. Каратели открыли по нам стрельбу из автоматов и пуля пролетела у самого виска моей матери Татьяны Васильевны Андрушок. Каратели стали приближаться к нам, не знаю, чем бы всё это закончилось, одному Богу известно, если бы их не привлекла другая группа людей, которая была не из нашего села. Люди из этой группы подняли руки вверх и кричали: "Мы не партизаны!" Через некоторое время я, старший брат Иван и мама вернулись домой.

3 мая 1943 года каратели окружили село, на возвышенностях установили пулеметы. По людям, которые хотели спрятаться в лесу, открывали огонь. При одной из та-

ких попыток и был убит Николай Филиппович Вовк. Староста села просил командира карательного отряда во время сжигания дворов (домов и хозяйственных построек) не убивать мирных жителей. Всех выгоняли из домов и зажигательными пулями поджигали дворы. Во время карательной акции наша семья и соседка с двумя детьми спрятались в замаскированном окопчике. Он был выкопан в 5–6 метрах от дома. Каратель по каким-то причинам воткнул в землю штык и он прошел между бревнами таким образом, что нас не обнаружили. А если бы штык попал в бревно, неизвестно, чем бы всё и закончилось. Сидеть невдалеке от горящего дома было жарко. Соседка Савелиха оценила обстановку и, рискуя жизнью, принесла нам воду. Односельчанин Василий Мекшун находился в окопчике и во время карательной акции погиб то ли от жары, то ли задохнулся от дыма.

Там, где жил староста села (хутор Грабовка), дома сожжению преданы не были. А Мекшуновка пострадала — за какой-то час сгорела сотня дворов, остался один дом с клуней. Огонь уничтожил всё. Даже не было из чего есть. Одна семья в качестве посуды использовала даже немецкую каску. Жителям некуда было уходить,

жили в землянках и шалашах. В сентябре 1943 года Красная Армия освободило наше село. Люди привыкли к родным местам и решили сохранить название своего населенного пункта. На женские и детские руки легла тяжесть строительства нового жилья.

Граб Наталия Ивановна в пятилетнем возрасте запомнила такой случай:

— Мать закопала в землю дежу с одеждой и постельными принадлежностями. Немец нашел ту дежу, извлек из нее одеяло и накинул на себя. Мать увидела эту сцену из окопчика и подумала: чем же я зимой буду детей накрывать? Вылезла из укрытия и стала упрямить его, чтобы ничего не забирал. А он стал на нее кричать: "Где была, в партизанах?!", а она отвечала: "Да какая я партизанка? Я боюсь военных, у меня дети!". Однако никакие просьбы на него не подействовали...

Время, независимо от человеческой воли и политической ситуации, идет, а память людей должна сохраняться, чтобы лихолетье и его злодеяния никогда бы не повторились!

Евгений АЛИМОВ,
директор Краеведческого
музея г. Славутич
и Чернобыльской АЭС